ИСТОРИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ЭТАПА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

© 2019 г. С. А. Кондратьев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: kondratevsergeimailbox@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.06.2019 г.

Аннотация. В статье рассмотрены исторические и концептуальные факторы, которые привели англо-американский (англосаксонский) уголовный процесс к формированию специального этапа назначения наказания, резко отличающегося по своему правовому режиму от процедуры разрешения вопроса о виновности. На основе российской и зарубежной литературы и правовых источников автор делает вывод о том, что данный этап представляет собой относительно недавний феномен, явившийся результатом эволюции англо-американской уголовной юстиции в XVIII–XX вв., сопровождаемой коренным преобразованием уголовного права, потребовавшего адекватных механизмов для его реализации.

Ключевые слова: индивидуализация наказания, разрешение уголовного дела по существу, суд присяжных, англо-американский уголовный процесс.

Цитирование: Кондратьев С.А. Исторические и концептуальные основы формирования специального этапа назначения наказания в англо-американском уголовном процессе // Государство и право. 2019. № 11. С. 130–135.

DOI: 10.31857/S013207690007480-0

HISTORICAL AND CONCEPTUAL ORIGINS OF SHAPING OF THE SPECIAL STAGE OF SENTENCING IN ANGLO-AMERICAN CRIMINAL PROCEDURE

© 2019 S. A. Kondratev

Lomonosov Moscow state University

E-mail: kondratevsergeimailbox@yandex.ru

Received 28.06.2019

Abstract. The article deals with the historical and conceptual foundations that led Anglo-American (Anglo-Saxon) criminal procedure to the shaping of special sentencing hearing that is distinct in its legal regime from that of trial hearing where the issue of guilt is decided on. The author concludes on the basis of analysis of Russian and foreign legal and doctrinal sources that sentencing as a distinct stage of criminal proceedings is a relatively recent phenomenon that came into existence as a result of evolution of Anglo-American criminal justice in XVIII–XX centuries, coupled with the radical transformation of Criminal Law which required new mechanisms of its enforcement.

Key words: individualization of penalty, settlement of criminal case on merits, jury trial, Anglo-American criminal procedure.

For citation: Kondratev, S.A. (2019). Historical and conceptual origins of shaping of the special stage of sentencing in Anglo-American criminal procedure // Gosudarstvo i pravo=State and Law, № 11, pp. 130–135.

Англо-американский (англосаксонский) уголовный процесс с точки зрения юристов из государств континентальной Европы во многих отношениях представляет собой уникальное явление. Имея с романо-германским уголовным судопроизводством одну и ту же конечную цель — определение наличия у государства правомочия подвергнуть наказанию лицо за нарушение уголовного запрета, решая в ходе достижения этой цели одни и те же задачи по установлению и доказыванию всех обстоятельств преступного деяния, применению к ним соответствующей нормы уголовного законодательства в части квалификации деяния, а также определению конкретного вида и меры уголовной ответственности осужденного, англо-американский уголовный процесс порой движется к указанной цели и решает обозначенные задачи совершенно иными путями, нежели его романо-германский аналог.

Так, отечественная теория уголовного процесса хорошо знакома с концепцией «параллельного расследования» обстоятельств дела и сопутствующей ей теории «двух папок», детально разработанными специалистами английского доказательственного права. Вместе с тем некоторые институты английского и американского уголовно-процессуального права не привлекли широкого внимания в российской науке уголовного процесса, несмотря на их отнюдь не меньшую уникальность и, возможно, столь же высокую практическую значимость для должного построения порядка производства по уголовным делам. Одним из таких специфических институтов является отдельный этап назначения наказания (*sentencing*), который представляет собой попытку адекватно индивидуализировать уголовную ответственность осужденного лица и в максимально возможной мере достичь цели наказания. Тот факт, что заложенная в основу данного института идея о раздельном и, возможно, даже отделенном значительным промежутком времени разрешении двух вопросов существа уголовного дела — вопроса о преступлении и вопроса о наказании — начала проникать в том или ином виде в континентальные правовые порядки и в международные уголовные суды (получив наименование «цезуры») ¹, а fortiori требует обращения более пристального внимания к истокам формирования данного института, чтобы понять возможность его рецепции и ее пределы в романо-германской модели уголовного судопроизводства.

Прежде чем непосредственно обратиться к анализу интересующих нас особенностей эволюции указанного института, в общих чертах обозначим современное состояние процедуры назначения наказания в англосаксонском праве как некоего концептуально завершенного института, вписанного в общую картину судебного разбирательства в суде первой инстанции.

Уголовное судопроизводство Англии, США и других стран общего права представляется в уголовно-процессуальной науке как проявление классической состязательной модели разбирательства уголовных дел. Так, собирание и представление доказательств, осуществляемые отдельно обвинением и защитой, жестко отделено от их оценки в итоговом судебном акте, которая производится судом ². Состав суда в такой ситуации, по общему правилу, состоит

из непрофессионалов — присяжных заседателей ³, которые ввиду отсутствия юридической подготовки не в состоянии самостоятельно направлять ход судебного следствия. Поскольку доказательства собираются сторонами обвинения и защиты самостоятельно и в своем интересе, их активность в этом отношении жестко регулируется доказательственным правом, ограничивающим предмет доказывания перед непрофессиональными судьями только вопросом о виновности, как он сформулирован в обвинительном акте или так называемой информации (аналог обвинительного акта для дел о нетяжких преступлениях, где составление последнего не требуется), и запрещающим, по общему правилу, исследовать данные о личности обвиняемого, необходимые для индивидуализации уголовной ответственности. Подобное строгое разграничение компетенции по разрешению основного вопроса уголовного дела между присяжными и профессиональными судьями порождает необходимость в случае окончания производства перед присяжными признанием лица виновным продолжить производство по делу, рассмотрев необходимую информацию о характеристике личности осужденного. Появляется отдельный этап назначения наказания со своим особым предметом доказывания, правовой режим которого совершенно отличен от того, который был описан выше применительно к производству с присяжными.

Так, состязательность не имеет здесь решающего значения — ей на смену приходит «активный» судья, самостоятельно или через сотрудника службы пробации и полицию собирающий необходимую доказательственную информацию ⁴. Обширный корпус доказательственного права, рассчитанный на децентрализованное доказывание и призванный оградить непрофессионалов от манипулирования сторонами (которые, как известно, изначально были частными лицами, допускаемыми в процесс на основе принципа народного обвинения) ⁵ недоброкачественной или потенциально опасной (ввиду способности вызвать предубеждение против обвиняемого) информацией, здесь в значительной мере теряет свое значение ⁶. Указанные особенности процедуры назначения наказания, определяющие его особую (в сравнении с процедурой разрешения вопроса о виновности) природу, делающую его похожим на континентальный следственный уголовный процесс, не являются случайными, что подтверждается и зарубежной судебной практикой. Так, к примеру, Апелляционный суд 2-го округа федеральной судебной системы США, оценивая применимость конституционных гарантий справедливого судебного разбирательства к процедуре назначения наказания, прибегнул к анализу понятий “trial” и “sentencing” и их соотношению,

³ Следует отметить, что данная логика так или иначе применима и к магистратскому суду, который также по общему правилу состоит из представителей народа.

⁴ См.: Михайловская И.Б. Уголовное судопроизводство США. М., 1972. С. 98; Уайнреб Л.Л. Отказ в правосудии: уголовный процесс США. М., 1985. С. 132; Pizzi W.T. Sentencing in the US: An Inquisitorial Soul in an Adversarial Body? // Crime, Procedure and Evidence in a Comparative and International Context. Essays in Honour of Professor Mirjan Damaška / ed. by J. Jackson, M. Langer, P. Tillers. Oxford and Portland; Oregon, 2008. P. 70, 71.

⁵ См.: Langbein J.H. The Origins of Public Prosecution at Common Law // The American Journal of the Legal History. Vol. XVII. 1973. P. 317.

⁶ См.: Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949. С. 386; Бернам У. Правовая система США / науч. ред. В.А. Власихин; пер. с англ. А.В. Александров и др. 3-й вып. М., 2007. С. 461.

¹ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд. М., 2017. С. 951–952.

² См.: Бернэм У. Суд присяжных заседателей. М., 1995. С. 94; Хатчард Д. Аспекты уголовно-процессуального права в Англии и Уэльсе // Вестник СГАП. № 3 (Спец. вып). 1996. С. 36.

в том числе в их историческом контексте, и пришел к выводу, что последнее не может рассматриваться как судебное разбирательство в узком смысле слова, т.е. как часть «trial», но представляет собой особую процедуру со своим правовым режимом, где вовсе не обязательно должен наличествовать спор противоположных сторон⁷. Оставляя в стороне аргументы суда в данном деле и то, насколько данная позиция была в конечном счете воспринята иными судами США в контексте конституционного контроля, подчеркнем лишь, что само противопоставление данных понятий не является чисто терминологическим и поверхностным, а имеет более глубокие корни.

Таким образом, современный англосаксонский процесс разрешает вопросы существа уголовного дела не в едином порядке, как это происходит в континентальной Европе, но в двух, построенных на антитезе, — в состязательном для вопроса о виновности и в следственном при определении обстоятельств, от которых (помимо собственно преступления) зависит реализация усмотрения суда при индивидуализации уголовного наказания.

Определив современное понимание назначения наказания как особого этапа производства в суде первой инстанции в англосаксонском уголовном процессе, имеющего уникальный правовой режим регулирования, следует перейти к анализу его исторических и концептуальных основ, не претендуя на полноту анализа, но заостряя внимание лишь на имеющих значение для рассматриваемого вопроса моментах.

Первым фактором, который сыграл определяющую роль в отношении становления современной модели англосаксонского судебного разбирательства как в целом, так и отдельных его структурных частей, является длившееся почти семь веков формирование границ компетенции между профессиональным судьей и присяжными заседателями. Как известно, институт присяжных зародился в Англии приблизительно в конце XII — начале XIII в. на волне королевских реформ, имевших целью поставить регионы под контроль центральной власти. Выступая изначально в качестве свидетелей от местной провинциальной общины, которая была обязана сообщать разъездному королевскому судье обо всех совершенных на соответствующей территории преступлениях, присяжные в форме жюри для представления фактов (в последующем преобразовавшегося в орган предания суду — Большое жюри) и малого жюри были едва ли не единственным источником достоверной информации, причем не только о самом преступлении, но и о преступнике. В такой ситуации свидетельские показания 12 заслуживающих доверия представителей местного сообщества являлись решающими при определении возможности признать то или иное лицо (с учетом всех его социальных связей) виновным в совершении преступного деяния; судье же, не имевшему никакой информации о конкретном уголовном деле, ничего не оставалось, кроме как зафиксировать данные показания и назначить соответствующее наказание. Следовательно, в подобной ситуации судьба преступника целиком и полностью была в руках его соседей по местной общине.

Данная архаическая модель суда присяжных, именуемая также «самоинформирующимся» жюри (self-informing

⁷ См.: U.S. v. Ray 578 F.3d 184 (2d Cir. 2009), at 194–198 [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://www.casetext.com/case/us-v-ray-27> (дата обращения: 18.06.2019).

jury)⁸, просуществовала, как минимум, до XVI в., когда взрывной рост организованной преступности, урбанизация жизни и сопутствующая ей утрата тесных общинных связей привели к росту числа «внешних» источников информации, в частности показаний самого обвинителя-потерпевшего (или его представителя) и приглашаемых им свидетелей. Как совершенно справедливо отмечал Р. Гейнце, «каждое вновь введенное средство доказательства служило в то же время и новым исключением из первоначального значения присяжных, как свидетелей»⁹. В новых условиях профессиональный судья также получил возможность оценить те данные, на основе которых присяжные выносят свой вердикт (поскольку ранее присяжные были настоящей «вещью в себе», они могли практически беспрепятственно «отбеливать» факты дела, придумывая, к примеру, недостающие фактические обстоятельства с целью подвести подсудимого под ограничительно толковавшиеся нормы общего права о необходимой обороне и спасти его от неминуемой смертной казни¹⁰), что приводило в ходе дальнейшей эволюции английской уголовной юстиции к столкновениям коллегии присяжных и профессионального судьи. Как известно, данная проблема была формально разрешена в деле Бушеля в 1670 г., хотя бы номинально запретившего судьям наказывать присяжных за негодные вердикты.

Вместе с тем даже в первой трети XVIII в. границы компетенции профессионального и народного элементов в составе суда еще отнюдь не сформировались. Так, именно профессиональный судья являлся основным лицом, которое вело судебное следствие, допрашивая свидетелей¹¹, а отсутствие доказательственного права допускало в процесс практически любую информацию как о преступлении, так и о личности подсудимого. Это давало присяжным повод не только констатировать виновность или невиновность обвиняемого, но и самостоятельно изменять посредством вердикта обвинение, понижая, к примеру, размер ущерба от кражи с целью избавить некоторых виновных с учетом их личности от той или иной формы уголовной ответственности. По данной причине, как указывает американский ученый Дж. Лангбейн, именно в компетенции присяжных в первой половине XVIII в. находились вопросы и о виновности, и об определении наказания, а по значительному числу дел главным был вопрос в том, как присяжные распорядятся своим имплицитным полномочием по определению наказания (т.е. в какую сумму они оценят похищенное имущество)¹².

Приблизительно в тот же период возникает еще один феномен, получивший в зарубежной науке наименование «лойеризации» английского уголовного процесса: сначала сторона обвинения, а в дальнейшем и сторона защиты получают возможность использовать профессиональных

⁸ См.: Green T.A. Verdict According to Conscience: Perspectives on the English Criminal Trial Jury, 1200–1800. Chicago, 1985. P. 108, 109.

⁹ Гейнце Р. Очерк английского судоустройства в связи с судом присяжных. С приложением статьи «О различии между функциями судей и присяжных». СПб., 1866. С. 68.

¹⁰ См.: Green T.A. Op. cit. P. 36, 37.

¹¹ См.: Langbein J.H. The Criminal Trial before the Lawyers // The University of Chicago Law Review. Vol. 45. 1978. № 2. P. 282. Источники свидетельствуют, что присяжные порой сами активно задавали вопросы, в том числе касающиеся репутации, свидетелям и подсудимым (см.: ibid. P. 288).

¹² См.: ibid. P. 303, 304.

юристов для представления своей позиции¹³. Это существенно повышает доказательственную активность сторон, что, с одной стороны, пропорционально понижает активность профессионального судьи, а с другой — приводит к необходимости поставить деятельность сторон в жесткие рамки, запретив им манипулировать присяжными посредством ссылки на положительную или скверную репутацию подсудимого¹⁴.

В XIX в. рассмотренные процессы приводят англо-американский уголовный процесс в то состояние, которое (возможно, за некоторыми исключениями) представляет собой «классику» английского уголовного судопроизводства в современном понимании: доказывание виновности усилиями сторон перед присяжными и пассивный профессиональный судья, лишенный большинства возможностей повлиять на вердикт (разве что через напутственное слово), причем последнему отошли все полномочия по назначению наказания, представления о котором к тому моменту претерпели радикальные изменения, о чем будет сказано далее. Как отметил Верховный суд США в одном из своих решений, если к моменту основания США не существовало еще четкого разделения между «элементом» фелонии как части состава преступления, подлежащим разрешению присяжными посредством вердикта, и «фактором, влияющим на наказание», разрешаемым через приговор профессионального судьи, то в дальнейшем появление и усиление данной дихотомии привели к отстранению присяжных от разрешения вопроса о наличии ряда фактических обстоятельств, которые теперь могли значительно усилить наказание в сравнении с тем, которое могло быть назначено только на основании вердикта присяжных¹⁵. Данная характеристика, разумеется, справедлива *mutatis mutandis* и по отношению к Англии.

Другой фактор, вызывавший к жизни в XIX–XX вв. расширение полномочий суда в области назначения наказания и их реализацию в рамках самостоятельной процедуры, лежал в сфере уголовного права. Ни для кого не секрет, что английское средневековое уголовное право характеризовалось наказаниями, имевшими крайнюю степень суровости. Не имея развитой системы государственных органов, занимавшихся систематической регистрацией преступлений, их раскрытием, розыском преступников и доказыванием их вины, средневековый законодатель компенсировал указанные недостатки устрашающим характером карательных мер¹⁶. Так, шведский ученый Э. Аннерс замечает в этой связи, что «английское уголовное право в отличие от континентального даже в XIX в. сохраняло отвратительный террористический характер»¹⁷, причем расширение категорий преступлений, по крайней мере номинально наказуемых смертью, продолжалось даже на протяжении XVIII в.,

достигнув 220 наказуемых таким образом составов преступлений в начале XIX столетия¹⁸.

Кроме того, помимо указанного обстоятельства следует отметить и господство до XIX в. абсолютно определенных санкций за те или иные преступления¹⁹, что не давало профессиональному судье какого-либо пространства для маневра в вопросе индивидуализации ответственности и, соответственно, не порождало запроса на специальные механизмы для реализации таковой. По сути, все средства для индивидуализации наказания *de facto* состояли в уже упоминавшемся изменении присяжными первоначального обвинения на менее тяжкое, чтобы вместо смертной казни лицо могло претендовать на так называемую «привилегию духовенства», каторжные работы или телесные наказания. Если же присяжным было «тесно» в рамках системы относительно определенных санкций, не позволявших учесть положительную репутацию лица и стечение тяжелых обстоятельств при совершении преступления, приводился в движение механизм нуллификации уголовного закона²⁰, дававший возможность оправдать действительно виновное лицо вопреки доказательствам виновности, т.е. на основе одного лишь сострадания к его судьбе или протеста против жестокости уголовно-правовых санкций. Либерализация уголовного права, стартовавшая в XIX в., переложила основную ответственность за справедливость приговора на профессионального судью, дав ему дискреционное усмотрение в вопросе выбора той или иной меры уголовной ответственности. В дальнейшем произошло не только расширение номенклатуры наказаний, но и была законодательно признана возможность вовсе не назначать наказания осужденному в течение определенного срока в обмен на обязательство позитивного поведения²¹. Таким образом, произошло размежевание вопросов о виновности, разрешаемых в ходе «trial», и вопросов об индивидуализации наказания на основе характеристики личности, вытесненных в самостоятельную процедуру «sentencing».

Наконец, последним фактором, на наш взгляд, давшим импульс к формированию этапа назначения наказания в его современном виде, стал взрывной рост в XX в. соглашений о признании вины. Данный институт, как известно, за прошедшее столетие сумел «завоевать» англосаксонскую уголовную юстицию, вытеснив полноценное судебное разбирательство до предельно малой цифры — в среднем около 2.6% уголовных дел, рассмотренных в 2018 г.²² Поскольку при наличии такого соглашения состязательного судебного разбирательства не происходит вовсе, единственный

¹⁸ См.: там же.

¹⁹ См.: *Langbein J.H. The English Criminal Trial Jury on the Eve of the French Revolution // The Trial Jury in England, France and Germany 1700–1900 / ed. by A.P. Schioppa. Berlin, 1987. P. 36, 37.*

²⁰ См. о понятии нуллификации: *Бернал У.* Указ. соч. С. 175, 176.

²¹ В Англии такой закон был принят в 1907 г., создав систему испытания (пробации) и превратив процедуру назначения наказания в полноценный этап разбирательства уголовного дела по существу. См. подробнее об этом законе: *Люблинский П.И.* Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии. СПб., 1911. С. 532–538; *Кенни К.* Указ. соч. С. 575, 576.

²² 2018 Annual Report and Sourcebook of Federal Sentencing Statistics. U.S. Sentencing Commission. P. 56 [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/pdf/research-and-publications/annual-reports-and-sourcebooks/2018/2018-Annual-Report-and-Sourcebook.pdf> (дата обращения: 18.06.2019).

¹³ См.: *ibid.* P. 307; Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. С. 131.

¹⁴ См.: *Langbein J.H. The Criminal Trial before the Lawyers.* P. 306.

¹⁵ См.: *Charles Apprendi v. New Jersey 530 U.S. 466 (2000)*, at 478–483 [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/boundvolumes/530bv.pdf> (дата обращения: 18.06.2019).

¹⁶ См.: *Аннерс Э.* История европейского права. М., 1996. С. 193, 194.

¹⁷ Там же. С. 262.

момент, когда защита и обвинение могут обратиться к суду, — это процедура назначения наказания (с некоторой долей условности можно утверждать, что это и есть действительная возможность «получить свой день в суде» для тех 97.4% подсудимых, которые признали вину). Однако в подобной ситуации судья оказывается перед сложной дилеммой — он в принципе ничего не знает ни о преступлении, ни о преступнике, но при этом он должен назначить такое наказание, которое «выстоит» при потенциальной апелляции в вышестоящем суде. Кроме того, в зарубежной литературе отмечается, что, например, американские судьи прекрасно понимают угрозу для публичного интереса, исходящую от «договорного» правосудия, поскольку всем ясно, что признание вины в большинстве случаев совершается *quid pro quo* — обвинение смягчает обвинение через переквалификацию или посредством исключения отдельных его пунктов. Это приводит к тому, что в ходе производства по индивидуализации уголовной ответственности судьи пытаются обеспечить публичный интерес через возвращение квалифицирующих признаков или иных эпизодов в виде «факторов, влияющих на наказание»²³, что порождает вопросы с точки зрения конституционности данных практик (см. по этому поводу уже упоминавшееся выше решение Верховного суда США). Следовательно, рассматриваемый нами этап назначения наказания начинает исполнять новые функции, которые выходят за рамки чисто механического сопоставления норм уголовного права, регулирующих назначение наказания, и выявленных фактов биографии осужденного.

* * *

Подводя итог анализу концептуальных и исторических основ специального этапа назначения наказания в Англии и США, можно сделать вывод, что данный институт является побочным результатом коренных преобразований в англо-американском уголовном процессе в период становления его современной, классической модели (вторая половина XVIII — XX в.). Формирование состязательного уголовного производства с участием присяжных «вывело за скобки» все вопросы, не связанные непосредственно с определением виновности лица, которые стали основой для компетенции профессионального судьи и в совокупности с возросшими дискреционными полномочиями последнего дали импульс к подлинному «раздвоению» судебного разбирательства. С тех пор, как это произошло, этап назначения наказания приобретает все большее значение, намного превосходящее его изначальную роль как всего лишь «момента» между вердиктом присяжных и началом уголовно-исполнительной деятельности, пытаясь сгладить недостатки состязательной уголовно-процессуальной формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннерс Э. История европейского права. М., 1996. С. 193, 194, 262.
2. Бернам У. Правовая система США / науч. ред. В.А. Власихин; пер. с англ. А.В. Александров и др. 3-й вып. М., 2007. С. 175, 176, 461.
3. Бернем У. Суд присяжных заседателей. М., 1995. С. 94.

²³ Pizzi W.T. Op. cit. P. 75–78.

4. Гейнце Р. Очерк английского судоустройства в связи с судом присяжных. С приложением статьи «О различии между функциями судей и присяжных». СПб., 1866. С. 68.
5. Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949. С. 386, 575, 576.
6. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд. М., 2017. С. 131, 951–952.
7. Люблинский П.И. Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии. СПб., 1911. С. 532–538.
8. Михайловская И.Б. Уголовное судопроизводство США. М., 1972. С. 98.
9. Уайнреб Л.Л. Отказ в правосудии: уголовный процесс США. М., 1985. С. 132.
10. Хатчард Д. Аспекты уголовно-процессуального права в Англии и Уэльсе // Вестник СГАП. № 3 (Спец. вып). 1996. С. 36.
11. 2018 Annual Report and Sourcebook of Federal Sentencing Statistics. U.S. Sentencing Commission. P. 56 [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://www.ussc.gov/sites/default/files/pdf/research-and-publications/annual-reports-and-sourcebooks/2018/2018-Annual-Report-and-Sourcebook.pdf> (дата обращения: 18.06.2019).
12. Charles Apprendi v. New Jersey 530 U.S. 466 (2000), at 478–483 [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/boundvolumes/530bv.pdf> (дата обращения: 18.06.2019).
13. Green T.A. Verdict According to Conscience: Perspectives on the English Criminal Trial Jury, 1200–1800. Chicago, 1985. P. 36, 37, 108, 109.
14. Langbein J.H. The Criminal Trial before the Lawyers // The University of Chicago Law Review. Vol. 45. 1978. № 2. P. 282, 288, 303, 304, 306, 307.
15. Langbein J.H. The English Criminal Trial Jury on the Eve of the French Revolution // The Trial Jury in England, France and Germany 1700–1900 / ed. by A.P. Schioppa. Berlin, 1987. P. 36, 37.
16. Langbein J.H. The Origins of Public Prosecution at Common Law // The American Journal of the Legal History. Vol. XVII. 1973. P. 317.
17. Pizzi W.T. Sentencing in the US: An Inquisitorial Soul in an Adversarial Body? // Crime, Procedure and Evidence in a Comparative and International Context. Essays in Honour of Professor Mirjan Damaška / ed. by J. Jackson, M. Langer, P. Tillers. Oxford and Portland; Oregon, 2008. P. 70, 71, 75–78.

REFERENCES

1. Anners E. History of European law. M., 1996. P. 193, 194, 262 (in Russ.).
2. Burnam W. The legal system of the USA / scientific. ed. V.A. Vlasikhin; transl. by Engl. A.V. Alexandrov, et al. 3rd ed. M., 2007. P. 175, 176, 461 (in Russ.).
3. Burnem W. Trial by jury. M., 1995. P. 94 (in Russ.).
4. Heinze R. An outline of the English judicial system in connection with the trial by jury. With the Appendix of the ar-

- title “on the difference between the functions of judges and juries”. SPb., 1866. P. 68 (in Russ.).
5. *Kenny K.* Fundamentals of Criminal Law. M., 1949. P. 386, 575, 576 (in Russ.).
 6. The course of the criminal process / ed. by L.V. Golovko. 2nd ed. M., 2017. P. 131, 951–952 (in Russ.).
 7. *Lyublinsky P.I.* Essays of criminal court and punishment in modern England. SPb., 1911. P. 532–538 (in Russ.).
 8. *Mikhaylovskaya I.B.* Criminal proceedings of the USA. M., 1972. P. 98 (in Russ.).
 9. *Uaynreb L.L.* Denial of justice: the U.S. criminal process. M., 1985. P. 132 (in Russ.).
 10. *Khatchard D.* Aspects of criminal procedure in England and Wales // Journal of SSAL. No. 3 (Spec. ed.). 1996. P. 36 (in Russ.).
 11. 2018 Annual Report and Sourcebook of Federal Sentencing Statistics. U.S. Sentencing Commission. P. 56 [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://www.ussc.gov/sites/default/files/pdf/research-and-publications/annual-reports-and-sourcebooks/2018/2018-Annual-Report-and-Sourcebook.pdf> (accessed: 18.06.2019).
 12. *Charles Apprendi v. New Jersey* 530 U.S. 466 (2000), at 478–483 [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/boundvolumes/530bv.pdf> (accessed: 18.06.2019).
 13. *Green T.A.* Verdict According to Conscience: Perspectives on the English Criminal Trial Jury, 1200–1800. Chicago, 1985. P. 36, 37, 108, 109.
 14. *Langbein J.H.* The Criminal Trial before the Lawyers // The University of Chicago Law Review. Vol. 45. 1978. № 2. P. 282, 288, 303, 304, 306, 307.
 15. *Langbein J.H.* The English Criminal Trial Jury on the Eve of the French Revolution // The Trial Jury in England, France and Germany 1700–1900 / ed. by A.P. Schioppa. Berlin, 1987. P. 36, 37.
 16. *Langbein J.H.* The Origins of Public Prosecution at Common Law // The American Journal of the Legal History. Vol. XVII. 1973. P. 317.
 17. *Pizzi W.T.* Sentencing in the US: An Inquisitorial Soul in an Adversarial Body? // Crime, Procedure and Evidence in a Comparative and International Context. Essays in Honour of Professor Mirjan Damaška / ed. by J. Jackson, M. Langer, P. Tillers. Oxford and Portland; Oregon, 2008. P. 70, 71, 75–78.

Сведения об авторе

КОНДРАТЬЕВ Сергей Александрович – аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

Author's information

KONDRATEV Sergei Aleksandrovich – post-graduate student of criminal procedure, justice and prosecutorial supervision Department of the faculty of law at Lomonosov Moscow state University; 1 Leninskie Gory, building 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia